

УДК 316.022

ЭТНИЧНОСТЬ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МЕГАПОЛИСЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТАТАРСКИЕ ПРАКТИКИ В США

Л.Р. Низамова

Аннотация

Модерные этничности рассматриваются как пространство этнических различий и различений, в котором происходит воспроизводство отличительной системы этнокультурных практик в условиях индустриализма, секуляризации, урбанизированной и многокультурной среды современных мегаполисов. В центре внимания – жизнедеятельность татарской диаспоры в условиях г. Нью-Йорка, расово и культурно гетерогенного, толерантного и динамичного социума. Экономические, гражданские, образовательные, религиозные и информационные практики волжских татар оцениваются с точки зрения воспроизводства культурного своеобразия, соучастия в мультикультурализме г. Нью-Йорка и интеграции в политическое сообщество американской нации.

Ключевые слова: этничность, мультикультурализм, мегаполис, волжские татары, Татарстан, диаспора, г. Нью-Йорк, иммиграция, ассимиляция.

Этнографическое и этнологическое исследование в национальных масштабах, как правило, осуществляется посредством экспедиций, выезда к местам проживания изучаемой этнической общности – в деревни, сельскую местность, на удаленные территории. В этом отношении этносоциология находится в ином, может быть, более выигрышном положении: обнаружение объекта социологического анализа в собственной стране не обязательно сопряжено с территориальным перемещением, а значит, неизбежными материальными и временными затратами и организационными трудностями. В центре внимания социологического исследования находятся городские этничности индустриального общества, отношения и практики современной этничности в условиях мобильного, анонимного, массового урбанизированного социума, «законы» которого неотвратимо действуют и на селе. Социальным пространством урбанизационных процессов и экспансии городского типа культуры стало современное общество в целом.

Модернизация изменила характер этнических отношений, силу и значение этнических лояльностей, но не отменила их. Модерные этничности оформляются и трансформируются в многокультурной среде – пространстве разноликих этнических сообществ, иммигрантских и миноритарных групп, религиозных солидарностей, языков и культурных форм. Большинство современных национальных государств являются многоконфессиональными и поликультурными, что нередко воспринимается доминирующим большинством и государством как «проблема», с которой нужно справляться (см. [1]). Новейшая история хранит

память о разных стратегиях государств в отношении меньшинств: геноцида, сегрегации, то есть политик социального исключения и дискриминации по цвету кожи, принадлежности к той или иной этничности, религиозной конфессии и т. п. Однако наиболее типичной для формирующихся в Западной Европе и Северной Америке наций-государств в XIX – начале XX вв. стала политика ассимиляции, как наиболее последовательно отвечающая идеалу нации – политического сообщества равноправных граждан, «горизонтального товарищества» [2, с. 32] и братства. Неслучайно в первой половине XX в. в США утвердилась идеология «плавильного котла», предполагавшая, что американские города, и прежде всего мегаполисы, станут «площадками» аккультурации, ассимиляции и «американизации» вновь прибывающих иммигрантов и переселенцев.

До начала 70-х годов XX в. идеал социальной интеграции за счет отказа от этнокультурного своеобразия, принятия доминирующей культуры не ставился под сомнение. Однако в последней трети XX в. социальная атмосфера наиболее развитых стран Запада заметно изменилась под влиянием как внутренних потребностей и вызовов, так и внешних глобализационных факторов. Все чаще ставится вопрос об интеграции без ассимиляции, о мультикультурализме в условиях существующих национальных и политических границ. Мультикультурализм предполагает социальное равноправие этнокультурных групп, легитимацию культурного плюрализма, а значит, и права на сохранение этнокультурных, религиозных, языковых отличий. Как представляется, мультикультурализм становится вызовом идеалу социальной интеграции, воздвигает новые препятствия на ее пути. Тем не менее формирование общегражданской идентичности и политической лояльности все же оказывается совместимым с культурным многообразием и не может более обеспечиваться за счет исключения и непризнания «других».

Социальные институты принимающего общества и этнокультурные практики татар в США (см. [3, 4]). Город Нью-Йорк – многомиллионный мегаполис с чрезвычайно пестрым расовым, этническим, языковым и конфессиональным составом. Данные переписей населения, рассматривающие совокупность граждан с точки зрения страны их происхождения или расовой идентичности, не позволяют определить место волжских (казанских) татар в США как этнокультурного сообщества, поскольку данная этническая группа крайне неудобна для статистической классификации. С точки зрения центральной для американского общества расовой дифференциации волжские татары имеют амбивалентный статус: как представители тюркских и мусульманских народов должны принадлежать к американцам азиатского происхождения, но относят себя к «белым американцам европейского происхождения» и так же воспринимаются окружающими. В ракурсе страны эмиграции и территории прежнего проживания также оказываются выходцами не одной страны, а самых разных государств: Китая, Турции, России, Узбекистана, Казахстана, Японии и др. Малочисленность этой этнической группы также делает ее неуловимой для официальных классификаций и идентификации. Точная статистика волжских татар в США отсутствует. По разным оценкам, она составляет от 1 до 2–3 тыс. человек [5, с. 4–5]. Вторая цифра включает мало учтенных представителей массовой

«постсоветской волны» эмиграции 1990-х годов и отражает эффекты медленного притока вновь прибывающих в начале XXI в.

Кейс-стади «Американские татары» позволило рассмотреть практики волжских татар в США с точки зрения воспроизводства и производства этнокультурной отличительности в условиях нью-йоркской многокультурности, с одной стороны, и механизмы ассимиляции и интеграции в доминирующую американскую культуру и нивелирования культурного своеобразия, с другой. По данным проведенного кейс-стади, к факторам ассимиляции можно отнести следующие.

1. Малочисленность татарской диаспоры. Соответственно, отсутствует «естественная» среда воспроизводства диаспоры и развития «своего» этнокультурного наследия, привезенного в другую страну.

«Наверное, тяжелее, чем в России, быть татариним в Нью-Йорке, потому что народу мало, с кем ты можешь общаться. Народ разрозненный, народ занят своими делами. Вот. [Татарское] общество – в рудиментарном состоянии» [И.1].

Фактором, усугубляющим «размывание» малой диаспоры, оказываются неизбежные в небольшом сообществе и в иммигрантском окружении межэтнические браки. Хотя многие респонденты осознают «брак со своим» как важное средство воспроизводства «своей» культуры, они также не без сожаления вынуждены признать неизбежность постепенного «растворения татар» и относятся к этому терпимо, с пониманием:

«С этим ничего нельзя поделать, так как очень многие женятся на американцах [выходят замуж за американцев]. Так как ведь не очень много здесь [татар]. Если у нас посчитать [потенциальных женихов/невест] – в Нью-Йорке, Сан-Франциско, в Монреале – там ведь всего 1–2 человека в других городах. Очень ведь трудно сделать выбор среди всего нескольких человек. Очень трудно. Неизбежно исчезают [татары]. С этим ничего не поделать. А пока есть возможность – пусть не исчезают. Потому что ведь так жалко, очень жалко. Исчезает все: твой язык, обычаи, еда, песни, стихи. Все постепенно исчезает. Так жалко» [И.10].

«[Татарская] молодежь сейчас другая. Эта молодежь – большинство – родилась в Америке. Когда они в семье – они есть [как татары], а как выйдешь на улицу – то нет. Сейчас, наверное, атмосферы нет. А у нас [старшего поколения иммиграции конца 50 – начала 60-х годов] это было. <...> То есть они знают, откуда они родом, они знают, откуда их корни. Они знают, откуда их деды, что было и как [с историей иммиграции в США]. <...> Но после них, после них – это все исчезнет. Как и у вас сейчас [в России]. Я видела в России... Но у вас там хоть свое есть [имеются в виду Татарстан и Казань как центры «татарского»]. У нас, видимо, этого нет. Мы теряемся, исчезаем среди людей» [И.11].

2. Усиливающаяся дисперсность расселения этнической группы как внутри Нью-Йорка (отсутствие анклавов или этнических кварталов, подобных Брайтону или наподобие Чайна-таунов), так и в целом по стране. Однако наиболее крупные сообщества волжских татар локализуются в больших городах США. Гетерогенная городская среда, предлагающая широчайшие возможности выбора места учебы, работы, проживания, стиля жизни, сама по себе становится для малочисленной этнической диаспоры ассимилирующим фактором. Так, далеко не все волжские

татары, проживающие в Нью-Йорке и близ него, знают о существовании Американской ассоциации татар (АТА) или принимают участие в ее деятельности (даже если хотели бы чаще общаться с соплеменниками).

3. Включенность в систему институтов принимающего общества и отсутствие аналогичных собственных: «своего» гражданства на исторической родине; развитых «своих» экономических институтов, школ, СМИ (прессы, книгоиздательства, радио и телевидения), религиозных организаций – на новой.

Татарские бизнесы. Они крайне малочисленны, не велики по масштабу (имеют небольшую численность занятого персонала), в отличие от турецких бизнесов или предприятий и фирм, созданных советскими евреями. По большому счету татарские бизнесы не имеют этнической окраски. Большинство опрошенных респондентов работают по найму в американских (или иноэтничных) организациях, что в качестве обязательного условия требует знания английского языка и освоения норм деловой культуры принимающего общества.

«Вот видите, Америка... именно поглощает людей, которые начинают заниматься бизнесом. И у них это все выходит на первый план. Мне уже кажется, там не до культуры, не до языка» [И.2].

Гражданство. Преобладающая часть опрошенных уже имеют или намерены в будущем получить американское гражданство. Мотивы обретения нового гражданства весьма различны. Нередко один сопровождается и усиливается (или ослабляется) другим. Наиболее распространенными мотивами получения американского гражданства являются следующие.

1. Лояльность американскому гражданству и государству.

«Это мое первое государство. У меня нигде не было гражданства. Самое первое государство. Выбранное мною государство. После того, как приехали сюда, было много хорошего» [И.14].

«Быть американцем очень легко. Во-первых, на все есть право. Если хочешь, можешь выйти и ругать Президента. Лицом к лицу. Тебе ничего не могут сказать. Есть свобода. Однако свободу нужно правильно понимать. Многие ее понимают не правильно» [И.6].

Принятие американской национальной идентичности не исключает, тем не менее, иных причин. Случаи двойного гражданства не редки:

«Я думаю, что, так как я американский гражданин, я, конечно, лоялен этой стране, так как я проживаю в этой стране. Я благодарен этой стране за то, что она многое для меня сделала. Но я и не забываю Россию, потому что Россия тоже дала мне очень многое из того, что трудно отнять» [И. 1].

2. Прагматические установки или экономико-политические мотивы, то есть вера в возможность улучшить материальное благосостояние, найти работу, заработать на «нормальную жизнь» или сделать карьеру; уверенность в получении защиты со стороны сильного государства от нищеты, безработицы, бесправия и произвола властей, которые были причиной отъезда со «старой» родины.

«Потому что с американским паспортом хорошо ездить. Вы знаете, есть отношение, отношение государства к своим гражданам. <...> Американцы, они

к гражданам относятся нормально, я думаю. Это уровень зрелости государства» [И.8].

«Ой! Мы так в Америку ехали... С таким! Ой! Мы попадем в сказку сейчас! <...> У всех такое представление, что Америка – это какая-то необыкновенная сказка, в которой все так легко дается. Все так легко получается» [И.2].

«Они просто живут в этой стране. Делают бизнес. Так же, как и мы, чтобы немножко свое материальное состояние поднять. Только и всего» [И.7].

«Могу сказать, что становишься частью такого... самого большого и сильного государства в мире. <...> Мне ведь в Америке хорошо. Мне хорошо быть в Америке» [И.10].

3. Обретение формально-номинального статуса.

«По-моему ничего не изменилось [после получения американского гражданства]. Просто нужно быть [гражданином США]... Как говорится, раз ты живешь вот здесь... И положено тебе иметь это гражданство – надо получить. Потому что, кто знает, в дальнейшем – мало ли что... Скоро на пенсию. Нужны будут бенефиты всякие. Вот и все» [И.3].

«Если будет воля Аллаха, буду гражданкой Америки. Это только ради... [детей]. Потому что мне это гражданство не нужно. И только ради сына я сдаю экзамен на гражданство. Они [дети] без ума от Америки» [И.5].

В состоявшихся беседах был также задан вопрос о желании получить татарстанское гражданство и готовности иметь более одного гражданства, в случае, если бы законы (США, российские и татарстанские) позволяли это. Во второй половине 90-х годов XX в. вопрос о татарстанском гражданстве и «границах» татарской нации был одной из составляющих республиканского политического дискурса, а также наиболее спорной темой, которая время от времени эмоционально обсуждалась отдельными представителями политической элиты и национальной интеллигенции. Сам факт постановки подобного вопроса был достаточно органичной частью политики 90-х годов по укреплению государственного суверенитета Республики Татарстан и реализации политических полномочий «субъекта международного права», как это было зафиксировано в Конституции РТ от 1992 года.

Освещение данной темы в рамках проведенного исследования важно еще по двум различным причинам. Во-первых, она актуализируется в условиях усиливающейся глобализации, сопровождающейся «ренессансом» старых этнокультурных символов и практик и формированием неоднозначных, множественных и противоречивых идентичностей, в том числе и национальных. Несмотря на то что в международной политике давно укоренен принцип «один человек – одно гражданство», сегодня он все чаще подрывается широкомаштабной миграцией, интернационализирующими потребностями транснациональной экономики, эффектами глобальных коммуникаций. Во-вторых, эта тема косвенно затрагивает прагматичный вопрос об источниках предпочтительной миграции в РФ в условиях углубляющегося демографического кризиса в России, то есть о «наших соотечественниках за рубежом», обозначенный президентом РФ как важный и требующий совершения практических действий.

Мнения и оценки опрошенных в отношении гипотетического татарстанского гражданства разделились, причем доминирующей по массиву оказалась

позиция отказа принять его. Причины и мотивы такого решения заметно различались: 1) отсутствие «живых» и непосредственных личных или семейных связей с Татарстаном и намерения жить в республике; 2) солидный возраст, не предполагающий решительных перемен в жизни; 3) наличие второго гражданства, кроме американского, и неготовность принять третье; 4) восприятие Татарстана как составной части России и, соответственно, татарстанского гражданства как неразрывно связанного с российским при безоговорочном приоритете второго. (Эта позиция была ясно обозначена большинством респондентов, имеющих российское гражданство, а также и теми, кто осознанно отказался от него как от «подданства»).

Например: «Что бы изменилось? Что я стала бы более татаркой, что ли? Нет, мне кажется, ничего бы не изменилось. Мне кажется, наша [родная татарская] деревня [в Нижегородской области] – это тот же Татарстан» [И.7].

«У меня сейчас американское гражданство. Еще и старое турецкое есть. Третье уже не приму. <...> Если говорить о подданстве... У вас – русское подданство» [И.11].

Желание принять татарстанское гражданство выразили прежде всего татары – выходцы из республик бывшего СССР (Узбекистана, Киргизстана), поддерживающие контакты с родственниками в Татарстане и сохраняющие сильную эмоциональную и культурную связь с территорией, являющейся центром татарской истории и культуры.

«Конечно, взяли бы. Да, взяли бы... В Узбекистане мы выросли... Как говорится, благодарны этой республике тоже... Она считается родиной тоже. А вот Татарстан близок по духу тем, что все-таки живут татары – основное население. <...> Здесь [в Америке] – ничего. А в Татарстане все-таки идет вот культурный процесс, там не останавливается жизнь и развитие нации. Именно там» [И.2].

В контексте исследования этнонациональной идентичности представителей татарской диаспоры США и идентификации «своего» гражданства немаловажной является субъективная оценка значения Татарстана (или Татарской Республики), комментирование того, чем он является и с чем ассоциируется в представлениях респондентов. Было выявлено 4 несовпадающих и неравных по частоте озвучивания позиции.

1. Татарстан (Татарская республика) – это моя родина, родина предков и народа, к которому я принадлежу.

«Для меня – самая дорогая, самая дорогая земля. <...> Татарстан – он мой», – отметила респондент, родившаяся в Китае и никогда не жившая в Татарстане [И.6].

«Если говорить, это наша нация. Если посмотреть, ты ведь не говоришь, что ты китаец, если родился в Китае. Мы – татары. Мы считаем себя казанскими татарами. А раз говоришь казанские татары, то придерживаешься Казани» [И.11].

«Род моего отца происходит оттуда... Родная земля... Здесь, если приезжают французы или кто-то, даже если они стали американцами, и сколько бы лет здесь ни прожили, их родная земля... Они не забывают, что были французами. В этом, наверное, ничего плохого нет» [И.14].

2. Татарстан, ставший своим и близким.

Эта позиция, встречающаяся заметно реже, чем первая и третья, разделяется, например, крымским татариним по происхождению. Он женат на волжской татарке, освоил татарский язык и говорит на нем в повседневной жизни; кроме того, активно участвует в работе Американской ассоциации татар.

3. Татарстан вызывает любопытство и интерес, но все же не является родной или близкой землей.

«Поскольку я никогда не был [там], мне нечего сказать. Нечего». «Просто из любопытства хотелось бы видеть. Как живут люди? Что делают? Просто посмотреть, знаете ли» [И.12].

«Не могу о нем сказать, скажем, что это близкая мне земля. Съездила всего лишь на четыре дня, но что это? За четыре дня... Это что? <...> Это очень интересно, но я не думаю, что она близка моему сердцу, потому что все равно она чужая для здешних. Может, если бы чаще бывала там, то изменила бы свое мнение. И все же мой дом здесь [в Америке]» [И.10].

4. Незаинтересованное и безразличное отношение.

«Мы для узбеков чужие. Мы везде чужие. Мы поедем в Татарию, для них тоже будем чужие. Мы обрусевшие. Мы с русскими, все время с русскоязычными», – отметил татарин родом из Ташкента [И.4].

Наиболее весомой оказалась позиция восприятия Татарстана как своей родины или как близкой и сердцу, и разуму земли, родины родителей, предков и народа, с которым себя ассоциируют респонденты. Остальные точки зрения встречались в интервью заметно реже.

Образование. Значимым фактором ассимиляции иммигрантов является школа и в целом образовательная система. Она включает в себя не только основные ступени формального образования: от начального до университетского, но и разного рода курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Именно мультикультурное образование является наиболее продвинутой и развитой формой реализации мультикультурализма в США.

Мощное политическое движение 60-х годов прошлого века в защиту гражданских прав и против дискриминации на основе расы, пола, этничности, страны происхождения имело результатом серьезные изменения в сфере образования. В 1968 г. Конгресс США принимает закон о двуязычном образовании, в 1974 г. – закон о равных возможностях в сфере образования, имевшие целью преодоление языковых барьеров для равного участия студентов в образовательных программах (см. [6]). В начале 90-х годов в г. Нью-Йорке разгорелись жаркие дискуссии относительно развития учебных программ по социальным наукам и «Включающему учебному плану», так называемому учебному плану «Радуга». Критики евроцентристского образования и европейского доминирования предложили особые программы для каждой расовой и этнической группы. Крайности и преувеличения этой позиции были смягчены умеренностью Декларации культурной взаимозависимости: «одна нация, много народов». Она гласила: есть одна нация и она отражает взаимозависимость культур; при этом существуют отдельные культуры (афроамериканская, коренных американцев – индейцев, американцев мексиканского происхождения и т. д.) [7]. Хотя дилемма культур-

ного многообразия и гражданского единства в современных США далека от своего разрешения, в начале 90-х годов мультикультурализм получил широкое признание в американском обществе как «образовательная программа, признающая культурную разнородность Соединенных Штатов и содействующая уравниванию всех культурных традиций» [8, с. 122].

Воплощение мультикультуралистских принципов в системе образования позволяет воспроизводить отличительные этнокультурные практики в образовательных организациях:

«В колледже у меня мусульманское комьюнити есть. Называется «Мусульманская студенческая организация». И там мы все общаемся, там мусульмане из Марокко, Алжира, Пакистана, Индии <...> И мы держали ифтар... В течение Рамазана у нас был каждый день ифтар...» [И.2].

В образовательных учреждениях американского общества дети быстро и «естественным» образом осваивают английский язык, что зачастую сказывается на навыках владения родным языком или языком «старой родины»:

«У детей здесь очень быстрый язык. Потому что они общаются, в одном кругу учатся. <...> Да, по-английски [им говорить] проще. И дочка тоже так. Сейчас она даже русские слова иногда забывает. Говорит на английский лад» [И.2].

Вместе с освоением английского языка транслируются и ценности доминирующей культуры, что, однако, не исключает некоторой степени свободы выбора. Например, возможности по желанию обучать ребенка в воскресной мусульманской, турецкой или частной арабо-английской школе. По рассказу родителей ученика последней, это очень крупная частная школа, получившая признание на городском уровне, классы в которой переполнены из-за большого количества желающих обучаться в ней. Это «обыкновенная [средняя] школа, но с уклоном». В дополнительную программу входит изучение арабского языка, освоение Корана и ислама в рамках дисциплины «Islamic Studies» («Изучение ислама»). Примечательно, что данное интервью состоялось уже после событий 11 сентября 2001 г., которые вызвали сильную волну антимусульманских и антиарабских настроений в США. Жестокий удар, нанесенный террористами, не стал основанием для закрытия этой школы. В таком образовательном учреждении ученику может быть дано домашнее задание, например, по предмету «Social Studies» («Социальные науки»), приготовить материал о своей национальности, написать о своих этнических традициях, что выглядит вполне естественным и полностью соответствует духу американского мультикультурного образования. В целом такой подход служит аккомодации и инкорпорированию отличительной иммигрантской культуры в единую американскую нацию.

В США отсутствуют школы с преподаванием на татарском языке (хотя в университетском образовании есть практика изучения татарского языка студентами как иностранного). Тема татарского образования звучала в рассказах опрашиваемых главным образом в ретроспективном ключе: во-первых, в связи с воспоминаниями об эмигрантской жизни начала XX в. в Китае или Корее и, во-вторых, о татарской воскресной школе середины 60-х годов XX в. при Американской ассоциации татар (АТА).

Американские татары первой массовой волны иммиграции, имевшие весьма причудливую траекторию миграции (в Китай в период революционного лихолетья 1917 г – начала 20-х годов, затем в Турцию в 50-е годы и лишь в последующем, в конце 50-х – начале 60-х годов, в США), вспоминали о татарском или русско-татарском сообществе в Китае (Японии или Корее). По оценке респондента – доктора наук, изучавшего этот вопрос, – в те годы в Китае находилось около 25 тыс. татар, в Японии – 2 тыс., в Корее – наименьшее число – около 50 семей. Несмотря на то что в Сеуле было всего 26 семей, татарская община смогла создать свою инфраструктуру, в том числе и школу:

«У них была своя мечеть. Была своя школа. Все в порядке, богатые. Стали богатыми [своими] стараниями. Без ничего... нищими приехали» [И.14].

Татарские общины Китая в начале XX столетия нашли пристанище в ряде городов и мест, например, Харбине и Хайларе.

Город Хайлар: «У каждого татарина был свой дом. Татары ведь очень способная нация. Была своя татарская школа. Очень красивая, была построена так просторно. Была своя мечеть. Гимназия. Ее русские построили». «Не могу сказать [сколько именно было татар], но целыми улицами. И вторая улица – все татары. И третья. Очень много было татар» [И.6].

Атмосфера Харбина тех лет была весьма пестрой в этнонациональном плане, характеризовалась английским, французским, польским, японским, русским присутствием, и там также нашлось место татарской общине:

«В нашем доме, когда я росла, всегда был татарский язык. Я начала с татарского языка. Я пошла в татарскую школу. Мы обучались религии. Мы учились по-старому, по-арабски [писать], хоть я уже и не помню сейчас. <...> Мы изучали Г. Тукая, все... У нас была [своя] Управа, школа, все... Воспитывались в татарских традициях. Поэтому мы и не забыли татарские обычаи» [И.11].

Хотя речь шла, видимо, о татарской начальной школе (мектеб), предполагавшей дальнейший переход в иноэтничную образовательную среду «большого общества», она была формализованной устойчивой организацией со своей учебной «программой», специальным помещением, коллективом учителей, преподаванием исключительно на татарском языке. На этом историческом фоне образовательные практики в воскресных классах при татарском обществе (АТА) в США 60-х годов прошлого столетия выглядят более скромными и необязательными. На этих добровольных занятиях дети осваивали татарскую азбуку, учили татарские стихи и песни, знакомились с элементами культуры и обычаев. «Учителя» тоже были добровольцами из своего круга. Однако в силу все более интенсивного включения детей и внуков татар-иммигрантов первого поколения в американское общество и углубляющейся ассимиляции к настоящему времени эта подвижническая практика угасла и во многом забыта. Соответственно, в США доминирующим институтом формальной социализации стала американская система образования с ее мультикультурными (по выбору родителей и детей) компонентами: в случае с волжскими татарами США – мусульманскими, турецкими, арабскими.

Средства массовой информации и коммуникации. Малочисленность диаспоры волжских татар и отсутствие массовой татароязычной аудитории явля-

ется одним из решающих факторов отсутствия «своих» СМИ в Соединенных Штатах (за исключением Интернета). Это обстоятельство особенно бросается в глаза на фоне заметного присутствия испаноязычных, китайских, русскоязычных и прочих массмедиа в США. Русскоязычные СМИ привлекают русскоговорящую часть татарской аудитории, в основном представителей малочисленной советской и более заметной в количественном отношении постсоветской волны эмиграции из бывшего СССР конца 80–90-х годов XX в. Русскоязычные массмедиа представлены в США прессой, радио, книгоиздательской, аудио- и видеопродукцией, телевидением, Интернетом, то есть широчайшим спектром СМИ. Примечательно, что расширение русскоязычного сектора американских массмедиа происходит не только за счет распространения продукции, созданной в России, но и за счет собственного производства в США. Эти СМИ оказываются важным фактором воспроизводства и развития русской, советской и в целом русскоязычной идентичности, причем последняя имеет многочисленные несопадающие измерения: национальное, этническое, регионально-территориальное, политическое, интернациональное и т. д.

Печатная продукция сообщества волжских татар, например, «Информационный бюллетень АТА» (The ATA Newsletter), сейчас имеет скорее неформальный статус и нерегулярный формат; он невелик по объему и печатается на английском языке. Его создание и тиражирование осуществляется нетипографским способом и является результатом добровольных и безвозмездных усилий членов Ассоциации. Он содержит информацию о культурных и общественных мероприятиях, готовящихся в Ассоциации, новости личного и семейного характера (о состоявшихся помолвках, свадьбах, рождении детей и внуков, присвоении ученых степеней и т. д.). Распространяется по личным, семейным, клановым каналам, часто по почте, а в последние годы и посредством Интернета. В 2003 г. был создан интернет-сайт АТА, который стал частью все более расширяющегося на рубеже XX – XXI вв. мира татарского Интернета. Глобальные коммуникации заметно преобразовали характер связи иммигрантских групп с их исторической родиной (или страной эмиграции). В отличие от предшествующего периода стало возможным поддержание регулярного общения со старым отечеством (даже для самых малых групп), появление этнических интернет-сообществ, заметное пополнение и развитие этнокультурного багажа, привезенного диаспорой в страну иммиграции, за счет устойчивых контактов с родиной предков. «Старая родина» все больше выступает в качестве этнокультурного «донора» и одновременно гаранта сохранения и воспроизводства этнонациональной идентичности.

Религиозные институты играют неоднозначную роль с точки зрения поддержания этнокультурной отличительности. С одной стороны, верность исламу является одним из главных маркеров групповой идентичности, фактором успешного сопротивления ассимиляции и воспроизводства отличия волжских татар от прочих этнокультурных общностей. С другой стороны, приверженность исламу в отсутствие собственных религиозных организаций сближает татар с иными группами мусульман США.

В 1927 г. в Нью-Йорке была создана Ассоциация мусульманского единства (Moslem Unity Association, Inc.), которая объединила мусульман из числа татар,

башкир, казахов, узбеков, черкесов, карачаевцев и др., переселившихся в США. Она способствовала сохранению языкового взаимопонимания и религиозной веры, традиций и обычаев на новой родине. В связи с интенсивным притоком новых иммигрантов-мусульман в ноябре 1964 г. была учреждена Американская Исламская ассоциация (the American Islamic Association). В марте 1974 г. в условиях роста числа других мусульманских групп, далеких в языковом и культурном плане от этнической традиции волжских татар, она скорректировала свой статус и стала называться Американская ассоциация татар (АТА). Примечательно, что 7 апреля 2007 г. в Нью-Йорке состоялось большое празднование юбилейной даты – 80-летия АТА.

Волжские татары не имеют своего храма, поэтому наиболее религиозные посещают городские мечети, поддерживаемые арабами, пакистанцами, турками, польскими татарами. «Старая эмиграция» татар конца 50-х – начала 60-х годов XX в. отмечает значимые религиозные праздники (так же как и светские) совместно в здании АТА в Квинсе. К ним нередко присоединяются представители старшего поколения «новой постсоветской волны» эмиграции 90-х годов. Однако степень и характер религиозности являются фактором, несколько разделяющим татарское сообщество. Для «старых татар» мусульманская идентичность не отделима от их этнического самосознания. Для них «быть татарин(ой)» значит «быть мусульманином (-кой)», хотя характер веры и претерпел трансформацию под влиянием их миграционной истории, городского образа жизни и секуляризации. «Новые татары» США, будучи выходцами из республик бывшего СССР, оказались значительно менее религиозными, менее последовательными и информированными в вопросах веры. Среди них больше атеистов, колеблющихся, а также носителей критического и рефлексивного отношения к религии и соответствующим организациям. Вместе с тем было бы ошибкой рассматривать «новых американских татар» как гомогенную группу «формальных» мусульман и неверующих. «Религиозный ренессанс» 90-х годов затронул их в не меньшей степени, чем население бывшего СССР, современных России и Татарстана. Следовательно, свобода религиозного самовыражения стала привлекательной возможностью духовного поиска уже на новой родине, хотя она и была отчасти подорвана событиями 11 сентября 2001 г., ростом исламофобии и озабоченностью террористической угрозой в стране.

Социальные практики американских татар, выявленные и описанные в данном конкретно-социологическом исследовании, свидетельствуют как о включенности «старой» и «новой волны» татарской иммиграции в американское общество, так и о наличии институциональных механизмов свободного воспроизводства и производства отличительной этнической идентичности. Экономические, политические, образовательные, религиозные, информационные практики татар данного мегаполиса красноречиво подтверждают мощное действие объединяющих сил ассимиляции даже на первое и второе поколение иммигрантов. С большой долей вероятности можно предположить, что их потомки будут «укоренены» в американском обществе еще сильнее. Тем не менее если говорить о более крупных этнических и расовых сообществах, то подобный прогноз может потребовать ряда оговорок и уточнений.

В глобализирующемся обществе начала XXI в. вопрос о том, «какими гражданами станут новые иммигранты, и захотят ли они стать американцами», звучит по-новому и получает разноречивые комментарии. Действительно, в современном мире транснациональной экономики, глобальных коммуникаций и всеохватывающего Интернета, иммигранты могут предпочесть идеологию транснационализма и присущий ему стиль жизни «поверх национальных границ», позволяющий сохранять устойчивые связи со старой родиной. Тем не менее, как показали авторы проекта «Этнографии нового второго поколения в г. Нью-Йорке» (см. [9]), тенденции формирования этнокультурных, расовых и территориальных связей намного сложнее. Во-первых, наряду с сохранением старых, возникают новые расовые и этнические различия. Во-вторых, в условиях мегаполиса формируется особая нью-йоркская идентичность, не совпадающая с американской, но и не отделимая от нее. В-третьих, ассимиляция означает не только культурные «потери», но и новые обретения – культурную продуктивность, создающую новые социальные связи и формы солидарности (например, новые формы музыки, городского языка, самовыражения и идентичности). Они оказываются не столько эффектом контактов иммигрантских культур с господствующей белой, сколько результатом интеракции иммигрантских групп первого и второго поколения с традиционными расовыми меньшинствами США [9, с. 16]. В результате формируется «новый мультикультурализм», представленный не изолированными этно-расовыми анклавами, а многокультурностью со смешанными, гибридными и эклектичными формами культурного взаимодействия. Формирующаяся нью-йоркская идентичность характеризуется интернализацией культурного плюрализма, который не есть лишь воспроизводство традиций предков и прежней родины, но новаторский процесс производства современного (и постмодерного) настоящего в расово и этнически гетерогенной среде.

Summary

L.R. Nizamova. Ethnicity in the Multicultural Megalopolis: the Tatar Ethno-Cultural Practices in the USA.

Modern ethnicities are examined as the sphere of ethnic differences and distinctions, reproduction of the distinctive systems of cultural practices in the context of industrialism, secularization, urban and multicultural surroundings of the present-day megalopolises. The main focus of the article is the Tatar diaspora and Tatar practices in the New York City – racially and culturally heterogeneous, tolerant and dynamic community. Economic activities, citizenship, education, religion and mass media of Tatars are evaluated in terms of preservation of cultural peculiarity, participation in the multiculturalism of the New York City and integration into the political unity of American nation.

Key words: ethnicity, multiculturalism, megalopolis, the Volga Tatars, Tatarstan, diaspora, the New York city, immigration, assimilation.

Литература

1. *Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives.* – London; Connecticut: Pluto Press, 1993. – 173 p.
2. *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма.* – М.: КАНОН – Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 287 с.

3. *Низамова Л.Р.* Множественные идентичности татарского сообщества г. Нью-Йорка (опыт полевого исследования за рубежом) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 4. – С. 210–221.
4. *Низамова Л.Р.* Меньшинства, ассимиляция и мультикультурализм: опыт России и США // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 4. – С. 222–233.
5. *Гайнетдинов Р.* Татары в дальнем зарубежье (страны, численность, организации) // Татарские края. – 2000. – № 50 (411). – декабрь.
6. *Yang Ph.Q.* Ethnic Studies. Issues and Approaches. – N. Y.: State Univ. of New York Press, 2000. – 314 p.
7. *Glazer N.* We Are All Multiculturalists Now. – Cambridge; London: Harvard Univ. Press, 1997. – 179 p.
8. *Масионис Дж.* Социология. – СПб.: Питер, 2004. – 752 с.
9. *Kasinitz Ph., Mollenkopf J.H., Waters M.* (Eds.) Becoming New Yorkers. Ethnographies of the New Second Generation. – N. Y.: Russell Sage Foundation, 2006. – 419 p.

Поступила в редакцию
28.10.08

Низамова Лилия Равильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Казанского государственного университета.

E-mail: Lilia.Nizamova@ksu.ru